
Ари Дале
РАЗВОД
ИСПРАВИТЬ ОШИБКУ

Ари Дале

Развод. Исправить ошибку

«Литнет»
2024

Дале А.

Развод. Исправить ошибку / А. Дале — «Литнет», 2024

— Куда ты собралась? — муж, сложив руки на груди, стоит в дверном проеме. — Ухожу, — крепче сжимаю ручки сумки. — Я не собирался с ней спать. — Ты хоть понимаешь, насколько бредово это звучит?! — Вот только не нужно истерик! Если не хочешь говорить по-хорошему, значит, сиди здесь, пока не одумаешься, — он быстро выходит из комнаты, запирая меня в комнате с "подарком", который я приготовила на его день рождения. Кладу ладонь на живот, глажу его и даю себе обещание, что обязательно разведусь! Не смотря ни на что! _____ Властный муж Эмоции на грани Измена Тайная беременностьХЭ обязателен. Вот только для кого?НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ ❤#

© Дале А., 2024
© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 17
Глава 8 19
Глава 9 21
Глава 10 23
Глава 11 26
Глава 12 29
Глава 13 32
Глава 14 34
Глава 15 37
Глава 16 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Глава 1

— Может, повторим? — слащавый с истеричными нотками женский голос доносится из спальни в конце коридора. Застываю в дверном проеме нашей с мужем комнаты. Хмурюсь. Это точно не Даша, она же только что ушла. Тогда, что за девушка могла оказаться в их с Глебом спальне? Скольжу взглядом по белой стене, останавливаясь на приоткрытой деревянной двери.

Ладно, это не мое дело.

Выхожу из комнаты, где я оставила «подарок» под подушкой мужа. Иду к лестнице. Нужно спуститься на первый этаж, чтобы найти Лешу. Улыбаюсь, когда представляю, как приведу его наверх, скажу заглянуть под подушку и увижу сначала шокированное, а потом удивленное лицо. По-моему, это будет идеальный сюрприз на его день рождения. Сердце радостно заходится в груди. Кусаю губу, пытаясь сдержать улыбку. Ускоряюсь, но замираю, когда слышу знакомый мужской голос.

— Я сказал «нет»!

Сердце болезненно сжимается, глаза распахиваются. Голубая майка на бретельках моментально прилипает к покрывшейся потом спине. Узкие джинсы перестают быть неудобными. Дыхание учащается. Ладони становятся влажными.

— Но почему? Разве нам не было хорошо? — заискивающий женский голос вызывает у меня тошноту.

— Убирайся! — мужской рык посылает волну дрожи по телу.

Я уже узнала его. Но до сих пор не могу поверить. Мне это кажется, правда?

— Сначала посмотри, что теряешь!

Не выдерживаю. Разворачиваюсь. Светлые волосы падают на лицо, отбрасываю их назад. Быстро дохожу до комнаты Глеба. Застываю, так и не зайдя в нее.

В приличной щели взгляд сразу ловит влажную рыжую копну мужских волос.

Я не ошиблась…

Ноги немеют. Колени подгибаются. Дыхание спирает, а перед глазами мутнеет. Но я все равно вижу мужа в одном темно-синем плюшевом полотенце, завязанным вокруг бедер. По его подтянутому телу стекают капли. Пальцы сжаты в кулаки, а взгляд не отрывается от девушки перед ним. Абсолютно голой девушки.

Ее тоже узнаю. Лика — лучшая подруга Даши, сестры моего мужа.

Она стоит прямо, ни капли не стесняясь своей наготы. Ее влажные блондинистые волосы собраны в жгут и заброшены на одно плечо.

Муж нагибается. Поднимает полотенце, лежащее у ног девушки, и пихает его ей в руки.

— Тебе мало случившегося? — вздергивает бровь. — Забирай свои вещи и уходи, — его язык немного заплетается.

Лика игнорирует протянутое ей полотенце, делает шаг к Леше и кладет ладонь ему на грудь.

— Мне было та-а-ак хорошо, — мурлычет, проводя красными ногтями по белой коже, одновременно, нанося глубокие раны моему сердцу.

Муж убирает руку Лики в сторону, набрасывает полотенце ей на плечо.

— Достаточно, — Леша прикрывает глаза, будто вселенская усталость наваливается на него.

— Хочешь сказать, тебе не понравилось? — фыркает Лика. — Судя по твоим стонам и по тому, как долго ты кончал, очень даже понравилось. Мне тоже. Тогда, в чем проблема? — обида проскальзывает в ее голосе.

Губы Леши становятся похожи на одну белую линию, плечи расправляются. Веки распахиваются.

— Уходи, — жестко произносит он. Поворачивается и… застывает. Как я совсем недавно…

Взгляд мужа сосредотачивается на мне. На лице появляется нечитаемое выражение. Такое же, какое бывает у него при выступлении в зале суда. Только сейчас вместо защитника, Леша становится обвиняемым.

Лика прослеживает за взглядом моего мужа. Видит меня и ухмыляется. Так широко, будто выиграла джекпот.

Похолодевшими пальцами толкаю дверь. Она со скрипом открывается шире.

Глава 2

— Что здесь происходит? — язык отказывает поворачиваться, поэтому слова выходят приглушенными.

Тело будто живет своей жизнью, пока мозг пытается осознать увиденное.

Кажется, что все очевидно, но… я не могу поверить.

Леша… мой Леша… никогда бы не предал меня. Он не сделал мне больно. Уж точно не как сейчас. Нервные окончания словно тысячи игл протыкают. В груди жжет, сердце пылает. Каждый вдох разносит по телу жар, не дает нормально мыслить.

— Лена… — Леша делает шаг ко мне.

Но Лика преграждает ему путь. Полотенце, которое она прижимает к груди, почти не прикрывает ее нагое тело.

— А что? Не видно? — смотрит на меня, криво усмехаясь.

В ее глазах появляется коварный блеск. После чего она резко разворачивается, бросается на шею к моему мужу и целует его в губы.

Я думала, что большей боли мне не испытать. Но ошиблась. Сердце, которое билось, хоть и медленно, останавливается. Иссыхает. Становится бесполезным куском мертвой ткани, отравляющим кровь.

Мысли будто по полочкам раскладываются.

Я не собираюсь больше на это смотреть!

Уйти. Мне нужно уйти! Скрыться из этого дома. Исчезнуть из жизни мужа. Навсегда! Резко кручусь на месте и быстро ухожу, закрыв за собой дверь.

По пути залетаю в нашу комнату. Слышу глухие шаги за спиной. Беру сумку, стоящую на полу около окна. Собираюсь повернуться к шкафу, но взгляд цепляется за белую подушку. Бегу к ней. Откидываю в сторону. Хватаю «подарок», засовываю в задний карман джинсов.

Жалею, что успела разобрать вещи. Распахиваю дверцы деревянного шкафа, сваливаю одежду с полки в сумку, часть падает на пол. На вешалке висят два моих платья, вместе с деловым костюмом мужа, но к ним я не притрагиваюсь. Сажусь на корточки. Засовываю упавшие вещи в сумку. Выпрямляюсь. Поворачиваюсь.

— Куда ты собралась? — голос мужа пугает.

Поворачиваю голову, он стоит в дверном проеме.

Его ноги широко расставлены, руки сложены на груди, взгляд цепкий, прищуренный.

— Ухожу, — крепче сжимаю ручки сумки.

— Сначала поговорим, — произносит он жестко. — Я не собирался с ней спать, — делает шаг ко мне.

Выставляю руку перед собой.

— Не подходи, — хриплю. Прочищаю горло. Набираю больше воздуха, заглядываю мужу в глаза, но раскаяния там не вижу. — Не собирался? Серьезно? — хмыкаю, в груди вспыхивает пламя ярости. Оно так жжет, что мне едва удается устоять на месте. — Не собирался трахать Лику?! А как тогда получилось, что сделал это?

— Я думал, что это ты, — цедит он.

— Я? — неверяще смотрю на него. — Ты хоть понимаешь, насколько это бредово звучит?! — повышаю голос.

— Не истери! — трет пальцами виски.

— Чего?! — глаза лезут на лоб. Представляю, как запускаю в мужа сумкой. Но она мне еще нужна. Стискиваю челюсти. Желудок сводит, меня начинает тошнить. На языке оседает горечь, тяжело сглатываю. — Уйди с дороги, — шиплю.

— Хватит! Не хочешь говорить по-хорошему, да? — Леша сводит брови у переносицы. — Тогда сиди здесь, пока не успокоишься, — Леша кладет ладонь на дверную ручку, молниеносно делает шаг в коридор.

У меня чуть нижняя челюсть на полу не оказывается. Дыхание спирает. А боль, которая все не собирается затихать, сливается с яростью, превращаясь в ненависть. Лютую ненависть.

Широкими шагами направляюсь к мужу. Но останавливаюсь на полпути, ловя его предупреждающий взгляд.

— Просто дай мне уйти, — говорю настолько спокойно, как только могу. Хотя хочется кричать и… истерить.

Глаза жжет, но не даю пролиться ни слезинке. Позже. Можно будет выплакаться позже. А пока нужно быть сильной. Я не могу расклеиться. Не сейчас. Тем более, когда я отвечаю не только за себя.

Муж всматривается в мое лицо. Долго, будто ищет что-то в нем. После чего качает головой.

— Сиди здесь, пока не успокоишься! — вытаскивает ключ с внутренней стороны замочной скважины и захлопывает дверь.

Сумка падает к ногам, подлетаю к двери, нажимаю на ручку ровно в тот момент, когда раздается звук закрываемого замка.

Вот же козел!

— Открой! — дергаю ручку, кулаком стучу по двери. — Открой дверь, скотина!

— Вернусь через пару часов, — голос мужа звучит приглушенно, после чего раздаются удаляющиеся шаги.

— Выпусти меня, кому сказала! — не перестаю лупить по двери, даже когда шаги затихают.

Но меня никто не слышит. Никто! Силы заканчиваются. Оседаю на пол, прислоняясь к стене.

— Я добьюсь развода, — обнимаю себя. — Тебе не нужен папочка, который не может удержать член в штанах.

Глажу живот. «Подарок» ощущается через ткань джинсов, как раскаленное железо.

Глава 3

Два года и два месяца спустя

— Мама, — лопочет сынишка и тянет ко мне свои маленькие ручки, пока я передаю его пожилой соседке в длинном зеленом платье и с темными волосами, в которых слишком хорошо виднеется седина.

Сердце сжимается, когда смотрю на свое рыжее с голубыми глазками счастье. Не перестаю удивляться, что он хоть что-то взял от меня. Ведь в остальном — полная копия отца. Воспоминания о Леше болью отдается в груди, и я отмахиваюсь от них, натянуто улыбаясь.

— Теть Зин, простите, что напрягаю, — сжимаю в руке сумку, бежевый плащ успела набросить на плечи, прикрывая узкие джинсы и рубашку в клеточку. — Я бы его с собой взяла, но меня так срочно вызвали, что, боюсь, придется побегать. А садик сегодня не работает.

— Перестань, — отмахивается женщина, прижимая к груди Сашеньку, у которого начинают слезиться глазки. — Как твоя бабушка поживает?

Закатываю глаза.

— Как обычно, парится на своих грядках. Посевной сезон же начался. Я все предлагаю ей переехать к нам, чтобы не перенапрягалась, но… — взмахиваю рукой. — Ладно, я побежала, — с благодарностью смотрю на свою спасительницу, после чего тянусь к сыну и целую его в обе пухлые щечки. — Не шали, — грожу пальцем перед его носом и усмехаюсь, когда Сашенька за него хватается. — Еще раз спасибо, — аккуратно забираю руку.

— Иди уже, — отмахивается женщина. — Нам есть чем заняться, правда? — переводит взгляд на моего сына.

Кусаю губу. Вина за то, что оставляю ребенка в субботу, сжирает изнутри. Мало того, что мне его раньше времени в садик пришлось отдать, так еще и в выходные не могу побыть с сынишкой.

Приходится заставить себя развернуться и пойти к лестнице. Но сразу же спотыкаюсь, когда слышу детский плач за спиной. Тетя Зина начинает что-то бормотать и захлопывает дверь, скорее всего, прекрасно понимая, что я чувствую. Она же вырастила троих детей. Одна.

Судорожно вздыхаю. На мгновение прикрываю глаза, прежде чем спуститься на первый этаж и побежать на остановку. Хорошо, что она рядом с домом, а то уже опаздываю — Сашенька капризничал, не хотел одеваться. Не понимаю, что могло такого серьезного случиться, раз главный врач вызвал меня в выходной. Я уже вчерашний день перед глазами прогнала, но вроде бы ничего из ряда вон выдающегося не произошло. Но это не помогает избавиться от тревоги, которая стягивает все изнутри. Единственное, что радует — это погода. На небе ни облачка, а теплый ветерок пробирается под незастегнутый плащ, как бы показывая мне, что зря я его взяла.

Но лучше перестраховаться, чем слечь с температурой. Я не могу позволить себе не работать. Кроме меня о Саше некому позаботиться. Есть, конечно, его отец, но судя по тому, что он ни разу за два года не спросил, как я или его сын, мы ему неинтересны. Ну и ладно, проживем как-нибудь и без него.

Автобус приходит быстро, захожу в него. Пару остановок, и я почти на месте. Осталось только зайти на территорию за коваными воротами, пройти по дорожке мимо нескольких зданий, которые «прячутся» за густорастущими деревьями.

Частная клиника, в которой я работаю, если смотреть со стороны, ничем не отличается от стандартного административного здания — обычная пятиэтажка, построенная из белых бетонных блоков, с множеством окон. Единственное, что выдает «маскировку» — скорая, стоящая у главного входа.

Прохожу мимо нее, поднимаюсь по лестнице и открываю стеклянную дверь. Просторная регистратура встречает меня несвойственной ей тишиной. Только две женщины на восьмом-девятом месяце беременности, если судить по животу, сидят на диванчике у стены, окрашенной голубой акриловой краской, и о чем-то мило щебечут. Улыбаюсь, поворачиваю в другую сторону от них и пересекаю холл. Захожу в небольшой тамбур, где находятся два лифта и лестница, которая мне как раз нужна.

Поднимаюсь на второй этаж. Попадаю в длинный коридор с множеством дверей с мини-холлом посередине. Именно к нему мне и нужно. По пути встречаю еще несколько девушек. Их чуть больше, чем на первом этаже, но все равно здание кажется каким-то безжизненным. Хотя на пятом, скорее всего, кипит работа.

По позвоночнику выступает пот, когда я открываю дверь в приемную главного врача. Брови взлетают, стоит мне увидеть его сидящую за столом секретаршу в простом черном платье, с русыми волосами, заплетенными в косу, и… ненакрашенную. Я никогда не видела ее ненакрашенную!

— Света, что ты здесь делаешь? У тебя же выходной сегодня, — вхожу, закрывая за собой дверь.

Девушка бросает быстрый взгляд на темно-коричневую дверь, находящуюся рядом с ее столом, и подносит указательный палец к носу, прежде чем подозвать меня рукой.

Нехорошее предчувствие заставляет желудок сделать кульбит. Проглатываю ком, застрявший в горле, подавляю желание убежать подальше и подхожу к Свете. По пути замечаю, что шкаф с противоположной от двери стороны, где хранятся важные документы, открыт. А несколько папок, с торчащими из них бумагами, вразнобой лежат на столе. Странно, Света обычно даже чересчур педантична.

Останавливаюсь у стола девушки, чуть нависая над ним.

— Олег Александрович жутко злой, — предупреждающе шепчет. — Он уже несколько раз спрашивал, пришла ли ты. А еще, — она снова бросает взгляд на дверь, — у него гость, — понижает голос максимально.

Все, что могу делать — смотреть на девушку и хлопать глазами. Вроде бы она ничего особенного не сказала. Но одно упоминание о злости главного врача заставляет напрячься. Обычно Олег Александрович хорошо контролирует эмоции. Даже слишком хорошо. Его не просто так прозвали доктором из стали.

— Я могу зайти? — головой указываю на дверь.

— Естественно, — Света всплескивает руками. — Тебя только и ждут. Иди скорее.

Тяжело сглатываю, чувствуя, как все внутри сжимается, и киваю. Подхожу к двери, собираюсь постучать, но останавливаюсь с зависшим кулаком.

Вот блин!

Нужно успокоиться.

Лена, хватит волноваться. Ты же ничего не сделала! В любом случае, чем быстрее узнать, что происходит, тем лучше.

Собираюсь с мыслями, глубоко вдыхаю и стучу. Ответ «войдите» звучит незамедлительно, открываю дверь.

Олег Александрович сидит в кожаном офисном кресле за своим заваленным бумагами столом. Свет, проникающий через приоткрытые жалюзи на окне, полосами освещает его лицо. Стоит мне войти, главный врач поднимает на меня взгляд, прожигая им даже через очки в роговой оправе. Его давно седые волосы зачесаны назад, а губы сжаты в тонкую линию.

— Елена Васильевна, садитесь, — он крепко сжимает черную с золотом ручку и указывает ею на единственное свободное кресло перед собой. Во втором — расположился мужчина, и у меня мурашки бегут по коже, когда он поворачивается.

Глава 4

Узнаю его сразу — муж пациентки, у которой недавно еще в утробе погиб малыш. Черные глаза мужчины сосредотачиваются на мне. Поджатые губы превращаются в одну тонкую линию. Когда-то ровно подстриженная щетина прилично отросла, а под глубоко посаженными глазами залегли глубокие тени. Единственное, что в мужчине кажется нормальным — деловой костюм, сшитый будто специально для него. Хотя… вполне возможно, так и есть.

— Елена Васильевна, — произносит с нажимом главный врач, — проходите.

Стискиваю челюсти, набираю в грудь побольше воздуха и делаю первый шаг, потом второй, третий… Чувство, что я иду прямо в бездну, не покидает, но у меня нет выбора. Мне нужна эта работа. Очень нужна.

Останавливаюсь перед столом Олега Александровича, но не сажусь. Не могу. Не рядом с мужчиной, который обещал, что разрушит мою жизнь и, похоже, не собирается забирать слова обратно. Кладу ладони на спинку кресла и впиваюсь пальцами в мягкую кожу.

— Что случилось? — мой голос кажется пустым, но это просто защитная реакция.

Вихрь из эмоций разрывает меня изнутри, но внешне я остаюсь абсолютно спокойной, что, кажется, злит мужчину рядом со мной еще больше — краем глаза замечаю, как он до побеления костяшек сжимает кулаки.

— Михаил Алексеевич, — главный врач так стискивает ручку, что до меня доносится ее треск, — принес жалобу и решил любезно предупредить, что собирается направить вторую в следственные органы.

На мгновение прикрываю глаза, пытаясь справиться с дрожью, охватившей тело. Ноги холодеют, дыхание сбивается. Но я стараюсь равномерно дышать. Я ни в чем не виновата!

— По какому поводу жалоба? — удивительно, но голос не дрожит.

— Ты издеваешься?! — Михаил Алексеевич подрывается со своего кресла, а я делаю шаг назад, глядя в глаза, в которых разверзлась та самая адская бездна, обещающая затянуть меня в свои холодные объятья.

— Прошу всех успокоиться, — главный врач тоже встает. — Мы же цивилизованные люди!

— Цивилизованные? — саркастически хмыкает мужчина, глядя на меня исподлобья с лютой ненавистью. — Эта тварь убила моего ребенка! Из-за нее пришлось поместитьжену в лечебницу, о какой цивилизованности может идти речь? — он еще мгновение смотрит на меня, прежде чем перевести взгляд на главного врача. — Не подскажете? — выплевывает.

— Пациентку привезли к нам в клинику изначально в тяжелом состоянии, — повторяю истину, которую пыталась объяснить мужчине еще неделю назад. — Ребенок уже был мертв. Я не могла его спасти.

Глаза начинает жечь, горло сводит.

Стоит мне только закрыть глаза, я вижу лицо только что пришедшей в себя, еще бледной и обессиленной женщины. Она с такой надеждой смотрела на меня, а мне пришлось сообщить, что ребенок не выжил. После чего, пока женщина плакала у меня на груди, я обнимала ее, зная, что она никогда не сможет полностью оправиться от этой травмы. Ненавижу эту часть своей работы!

— Еще утром с ним было все в порядке. Это ты его убила, — рычит мужчина и делает шаг ко мне. Отступаю.

— Достаточно! — грохочет главный врач, ручка, сжатая в его кулаке, трещит громче. — Михаил Алексеевич, я принял вашу жалобу. Мы обязательно проведем по ней проверку, но прошу вас вести себя сдержаннее. Вина Елены Васильевны еще не доказана.

Глаза мужчины сильнее сужаются.

— Не доказана? — он медленно поворачивает голову к Олегу Александровичу. — Не доказана, значит, — молчит мгновение. — Да, вы все здесь повязаны! Как я сразу не догадался? — неверяще качает головой. — Ну, нечего. Ничего. Я уничтожу вас всех! Мне несложно, — хмыкает. — Ее, — указывает пальцем на меня, — посажу. А вашу клинику разнесу к чертям собачьим!

— Михаил Алексеевич, успокойтесь, пожалуйста. Иначе, буду вынужден попросить вас удалиться, — главный врач, кремень, даже бровью не ведет, слыша угрозы, когда у меня заледеневает все внутри. Если у этого мужчины получится меня уничтожить, в чем почему-то не приходится сомневаться, мой малыш останется совсем один.

— Не нужно просить, — хмыкает Михаил Алексеевич. — Я сам уйду. А вы знайте, что я все так не оставлю! — резко разворачивается, выходит из кабинета и хлопает дверью с такой силой, что со стен начинает сыпаться штукатурка.

Стоит мужчины уйти, самообладание начинает покидать меня. Колени подкашиваются. Чтобы не оказаться на полу, я на негнущихся ногах огибаю кресло и плюхаюсь в него.

— Расскажи подробнее, что произошло, — Олег Александрович тоже садится, кладет каким-то чудом несломанную ручку на стол, ставит локти рядом с ней и переплетает пальцы.

Я же просто перестаю чувствовать свое тело. Его заполняет страх. Тяжелый, липкий, занимающий свое законное место.

— Нечего рассказывать, — тру лицо, на котором нет ни грамма косметики. — Я сама не поняла, что произошло. Пациентка поступила без сознания. Жизненные показатели были почти на нуле. Пришлось делать экстренное кесарево. Ребенок оказался мертв, — я прокручивала ситуацию в голове сотни раз, но легче не становится.

Как представлю, что на месте несчастного малыша мог быть Сашенька… Нет! Не мог! Нужно выбросить эти мысли из головы!

— Ты точно не могла ошибиться? — главный врач смотрит пристально, будто пытается найти признаки лжи на моем лице. Но их там нет и не может быть.

— Олег Александрович, я не ошиблась, — говорю твердо, глядя седовласому главному врачу в глаза.

— Ладно, — он откидывается в кресле. — Буду разбираться. А ты пока не высовывайся, мало ли. Возьми отпуск. Точно, отпуск. Сходи в отпуск.

Открываю рот, чтобы возразить, но Олег Александрович поднимает руку.

— Не спорь. Побудешь с сыном, а я пока со всем разберусь. Вернешься, когда пройдет буря, — главный врач переводит взгляд на окно.

— Олег Александрович, — ненавижу казаться слабой, но не могу не озвучить свой главный страх, который начал оживать, — я не могу потерять эту работу.

— Я знаю, — главный врач вздыхает. — Но у тебя есть проблема посерьезнее. Если хочешь совет — найди адвоката. Хорошего. С его, — бросает взгляд на закрытую дверь, — связями, я охотно поверю, что он сделает все возможное, чтобы уничтожить тебя. Всех.

— Адвоката? — бормочу больше для себя.

Во всем городе я знаю только одного человека, к которому могу обратиться за помощью.

Глава 5

Мну край белого свитера с горлом, стоя перед зданием, где не была уже много лет. Кажется, ничего не изменилось. Те же светоотражающие окна. Те же бетонные блоки, из которых сделаны стены. Те же двери из темного стекла.

Я ходила на просмотры с Лешей и Глебом, когда они только подбирали место, где хотели расположить свой офис. Прекрасно помню двух молодых адвокатов, мечтающих о своей юридической фирме. Они тогда были так воодушевлены, напористы, верили в свой успех. А мы все были так счастливы, пока однажды жизнь не разрушалась на осколки, которые нанесли глубокие, неизлечимые раны.

Прикрываю глаза, стараюсь размеренно дышать. А в следующее мгновение чувствую толчок и едва не лечу носом в землю. Воздух застревает в груди, распахиваю веки, выставляю ладони перед собой, готовясь встретиться с жестким асфальтом, но зависаю в воздухе. Мне нужно несколько секунд, чтобы прийти в себя и почувствовать сильные руки, сомкнувшиеся вокруг моей талии.

Замершее сердце вновь начинает биться, и я протяжно выдыхаю. Облегчение волной прокатывается по телу. Неизвестный спаситель помогает мне снова встать на ноги, после чего отпускает.

— Прошу прощения, нужно было смотреть, куда иду, — бархатный голос окутывает меня.

Поднимаю голову и встречаюсь с яркими зелеными глазами.

— Ничего страшного, — улыбаюсь через силу, пока мозг подкидывает картинки того,что могло произойти — разбитый нос, расцарапанный лоб, порванные джинсы, кровь повсюду.

Да-а-а, нервы ни к чему хорошему не приводят!

Мало того, что мне не пришлось ждать понедельника, ведь я с дуру удалила все номера из прошлого. Так еще Сашенька простудился. Ничего страшного: кашель и насморк, но садик сегодня оказался для нас закрыт. Пришлось снова обращаться к тете Зине за помощью, что жутко неудобно, потому что деньги женщина брать отказывается. Но выбора не было. Адвокат сам себя не найдет, а нашим с сыном будущим я рисковать точно не собираюсь.

— Вы в порядке? — русоволосый мужчина в белой рубашке смотрит на меня с беспокойством.

— Да, все хорошо, — неуверенно киваю, желая подтвердить свои слова, но вряд ли получается, ведь незнакомец хмурится. — Простите, мне нужно идти, — снова посылаю ему улыбку, на этот раз более широкую, и направляюсь ктвходу в здание.

Светлый холл встречает меня гулом голосов. Людей очень много. Кое-кто стоит в очереди за кофе, несколько человек сидят на диванах, одна девушка поливает растения в мини-саду, а перед лифтом напротив входа собралась настоящая толпа. Направляюсь к ней. Створки лифта раздвигаются, и люди потоком заполняют кабину. Я втискиваюсь последняя, потисняя их. Можно было бы, конечно, подождать, но воспоминания о слезах, стоящих в глазах сынишки, когда он понял, что мама снова куда-то уходит, не дают мне больше медлить.

Смотрю на панель с кнопками — цифра двенадцать уже горит.

Постукиваю ногой, пока мы поднимаемся наверх. Лифт останавливается почти на каждом этаже, и мне пару раз приходится выйти, чтобы выпустить людей. Когда же мы добираемся до двенадцатого — выскакиваю первая, пересекаю мини-холл, но сразу же замираю в коридоре с серыми стенами. Смутное воспоминание о том, что Леша с Глебом хотели сделать кабинеты соучредителей друг напротив друга, всплывает в мыслях. Доверяю ему, двигаясь по коридору мимо темных дверей с серебристыми табличками, на которых написаны имена. Прочитываю каждое, пока не нахожу нужное.

Останавливаюсь. Нервные окончания горят, внутри все сводит от тревоги, но выбора нет. Тяжело сглатываю, набираю в легкие побольше воздуха и открываю дверь.

За столом в приемной сидит худощавый молодой человек со светлыми волосами, в синем костюме-тройке.

— Добрый день. Могу я увидеть Глеба Николаевича? — закрываю за собой дверь и подхожу ближе.

— Здравствуйте. У нас назначена встреча? — парень щелкает мышкой, пристально глядя на меня.

— Нет, но…— тяжело вздыхаю. — Послушайте, мы с Глебом Николаевичем знакомы много лет. Можете, ему сообщить, что пришла Громова Елена? Он меня примет.

Парень сужает глаза, осматривает меня с ног до головы, после чего его плечи поникают.

— Глеба Николаевича сейчас нет. — Скорее всего, в моих глазах мелькает вселенское отчаяние, потому что он быстро добавляет: — Но вы можете подождать тут, — указывает на стул перед своим столом. — Он должен скоро прийти.

С облегчением выдыхаю.

— Спасибо, — стараюсь искренне улыбнуться, но, скорее всего, получается выдавить из себя лишь гримасу, поэтому я просто принимаю предложение.

Вот только нехорошие мысли сразу начинают лезть в голову, и главной из них становится: “А что делать, если Глеб мне откажет? Мы же не общались много лет.” Тогда наша с Сашей спокойная жизнь закончится, а я окажусь в тюрьме. Даже не сомневаюсь в этом.

Не проходит и пяти минут, как дверь распахивается. Волнение стягивает желудок, когда я перевожу на нее взгляд. Но меня тут же будто с пропасти сбрасывает, а мир вновь рушится. Потому что в дверях стоит человек, которого я хотела бы видеть в последнюю очередь.

— Лена? — бывший муж смотрит на меня, нахмурившись.

Глава 6

Воздух застревает в горле. Кровь в венах словно застывает, а перед глазами темнеет. Не могу дышать. Не могу пошевелиться. Не могу думать.

Мне едва удается сохранять самообладание. Сердце бьется так сильно, что, кажется, его стук слышат все в комнате. В том числе, бывший муж, который все еще стоит в дверях в идеально сидящем на нем черном деловом костюме. Его рыжие волосы в беспорядке, словно кто-то недавно шурудил по ним пальмами, а на лице нечитаемое выражение.

Я, конечно, предполагала, что могу с ним пересечься. Но как там говорят? Надежда умирает последней? Черт! Как мне вообще в голову могло прийти, что получится избежать встречи с ним? Я же никогда не была настолько удачливой.

— Давно не виделись, — удается выдавить из себя, хотя все внутри холодеет, а тело слабеет, будто сопротивляется разговору — не хочет ничего общего иметь с предателем.

Леша отмирает, заходит в приемную и закрывает за собой дверь, сжимая в свободной руке тонкую черную папку.

— Что ты здесь делаешь? — пронзает меня подозрительным взглядом.

Смотрит на меня так, будто это я предательница, а не он переспал с левой бабой, пока у меня под сердцем рос и развивался его малыш. Малыш, который так сильно похож на своего “папочку”.

Застарелая ярость выплескивается в кровь, несется по венам, возрождая воспоминания. Перед глазами проносится одинокая ночь в загородном доме. Мне было холодно, страшно и больно! Так сильно больно, что меня едва не разорвало внутри! Я чувствовала себя грязной из-за того, что когда-то любила человека, который изменил мне и не раскаялся. Но этого ему показалось мало — он меня еще и запер.

— Не переживай, мне от тебя ничего не нужно, — резко встаю, чтобы не чувствовать тебя ниже его. — Я к Глебу пришла, — сжимаю кулаки.

— Ты знаешь, что я не это имел в виду, — Леша поджимает губы, его пальцы до побеления впиваются в папку.

— А что тогда? — склоняю голову набок, вздергивая бровь.

Леша недолго смотрит на меня, потом медленно втягивает в себя воздух, после чего также медленно выдыхает.

— Мы с тобой почти два года не виделись, — на секунду прикрывает глаза, прежде чем вновь распахнуть их, — давай не будем ссориться.

Пружина, сковавшая меня изнутри лопается, а запал ругаться пропадает. Но всего на мгновение.

Напряжение, которое электрическими разрядами прокатывается по коже, когда я нахожусь рядом с бывшим мужем, почти сразу возвращается.

В голове начинает пульсировать всего одна мысль: “Нужно бежать”.

Паника зарождается глубоко в груди, и я за секунду осознаю причину ее появления. Словно наяву вижу прекрасное личико сына, в ушах звенит его задорный смех, а пальцы покалывают от желания провести ладонью по головке сына. По рыжей головке.

— Ты прав, давай не будем ссориться, — выпаливаю, прежде чем повернуться к столу помощника Глеба, который все это сидел, как мышка, а сейчас даже не пытается скрыть, что грел уши. — Передайте, пожалуйста, Глебу Николаевичу, что я приходила, хорошо? — вытаскиваю первую попавшуюся ручку из органайзера, беру оттуда же квадратный листок для заметок. — Вот мой номер, на всякий случай, — быстро черчу цифры, прежде чем подвинуть листок к молодому человеку. — Заранее, спасибо.

Через силу посылаю ему улыбку, облизываю пересохшие губы, ногтями впиваюсь в ладони и разворачиваюсь на пятках.

Бывший муж стоит на том же месте. Единственное изменение в нем — он засунул руку в карман брюк. Леша словно без слов говорит: “ты не посмеешь уйти, пока я не разрешу”, высказывая своей позой максимальное пренебрежение к моим желаниям.

— Могу я пройти? — мой голос кажется спокойным, но настойчивость звучит в каждом слове.

— Нет! — жестко произносит Леша, смотря на меня исподлобья.

Давлюсь воздухом от такой наглости. Кусаю язык, надеясь подавить гнев, который пылает в груди адским пламенем. Из-за него начинают жечь кожа, щеки, ладони. Желание подлететь к бывшему мужу, толкнуть в грудь, убирая с дороги, а лучше ударить чем-нибудь тяжелым по голове, становится почти невозможно контролировать. Только размеренное дыхание и стиснутые челюсти помогают мне устоять на месте.

Мы с Лешей испепеляем друг друга испытывающими взглядами. Быстро становится понятно — ни один из нас не собирается отступать. Не знаю, чем бы всего закончилось, если бы звук открываемой не прервал гнетущую атмосферу.

— Леш, мне долго тебя ждать? — знакомый женский голос разносится по небольшому помещению.

Смотрю на дверь через плечо бывшего мужа, чтобы подтвердить догадку, и хмыкаю. Все-таки тебе удалось занять мое место, да?

Глава 7

“Ты одна из многих, а я — единственная”, — звучит в голове тот самый женский голос, который всего секунду назад я услышала в реальности.

Анфиса все-таки оказалась права.

Смотрю на нее одетую в строгий деловой костюм и вижу взгляд, который всего мгновение остается растерянным, а в следующее — наполняется превосходством. Волосы девушка затянула в высокий хвост, чем сделала скулы еще острее, а подведенный с помощью стрелок глаза чуть уже. Ее можно было бы назвать красивой, если бы красные губы не растянулись в хищной ухмылке, придавая их обладательнице звериные черты.

— Я сейчас приду, — отчеканивает Леша, не оглянувшись.

Но Анфиса вместо того, чтобы уйти, заходит в приемную. В несколько шагов преодолевает расстояние до моего бывшего мужа, останавливается рядом с ним и переплетает их пальцы. Опускаю взгляд на замок из рук и прикрываю глаза, чтобы справиться с головокружением. Хотя, наверное, зря — меня тут же переносит в прошлое.

Словно наяву вижу аудиторию университета, длинную парту во втором рядом, место у самой стены, где сидит мой муж. Но не он привлекает мое внимание, а длинноногая брюнетка, полубоком сидящая в короткой кожаной юбке на столе, из-под которой торчит резинка чулок. Ее, как сегодня, красные губы, едва не сливаются с моим мужем в поцелуе.

В ушах до сих пор стоят оправдания: «ничего не было», «ты все не так поняла», «она просто прикладывалась», — классика жанра.

Тогда я поверила и ошиблась.

Мне стоит огромных усилий открыть глаза. Но, похоже, я сделала этого для того, чтобы увидеть довольное лицо Анфисы и понять — она добилась своего, поэтому теперь вполне обоснованно может злорадствовать.

В ее глазах отражается неприкрытая насмешка, а у меня в груди ярость смешивается с бессилием. Сейчас есть куда более серьезные проблемы, с которыми нужно разобраться. Борьба с первой любовью моего мужа, которую он постоянно называл «подругой», точно не стоит потраченного времени.

— Прошу прощения, я должна идти, — выпрямляю плечи.

Ответа не жду, просто обхожу «сладкую парочку» со стороны девушки, используя ее в качестве препятствия между мной и бывшим мужем. Пусть от нее хоть какая-то польза будет.

Уже открываю дверь, когда слышу грубое:

— Лена, стой!

А следом до меня доносится возмущенный писк:

— Леша!

Хотя в теле любопытно зарождается, я не оглядываюсь. Не хочу рисковать. Выхожу в коридор и быстро направляюсь в сторону лифтов.

Дверь одного из кабинетов распахивается, заставляя меня притормозить, но ненадолго. Лишь краем глаза замечаю миловидную девушку с русыми волосами и в сером брючном костюме, которая вышла в коридор.

Тамбур с лифтами, к сожалению, тоже не встречает меня пустотой. Двое мужчин в почти одинаковых, деловых костюмах стоят посреди небольшого холла с серыми стенами и что-то бурно обсуждают. Даже не обращают на меня внимания, когда я останавливаюсь рядом с ними.

— Нет, ты не понимаешь! Клиент хочет получить полную опеку над ребенком, а бывшую жену по миру пустить, — тот, что пониже, стоит ко мне спиной и трет шею, будто на нее повесили тяжелый груз.

— А мирное соглашение? — второй и с седыми волосами качает головой, на его лице появляется грустная улыбка.

— Я пробовал… ни в какую, — первый разводит руками. — Даже несмотря на то, что это он десять лет назад изменил жене. Именно по этой причине, они развелись. Но у женщины никаких шансов, сколько бы она ни ходила ко мне и ни плакалась, — мужчина вздыхает. — Она скрыла ребенка от отца, а у мужика бабла тьма-тьмущая. Да еще он с Алексеем Викторовичем близко знаком. Шеф, как услышал его историю о потерянном временем с сыном, режим цербера включил. Вообще, ничего слышать не хочет.

У меня дыхание застревает в груди. Невольно применяю услышанное на себя и чувствую, как кровь приливает к ногам, а желудок скручивает. Лишиться материнских прав… Отдать ребенка… Никогда не видеть лица сына…

Нет! Нет! Нет!

Со мной ничего подобного произойти не может. Я хоть и скрывала беременность. Не собиралась ничего общего иметь с гулящим мужем. Но в день рождения Сашеньки растаяла. Хотела, чтобы отец увидел сына, поэтому отправила Леше фотографию, вот только ответа так и не дождалась.

— Лена! — грозный рук бывшего мужа заставляет вздрогнуть не только меня, но и мужчин.

Они с полуиспуганными-полуудивленными лицами переводят взгляд на дверь, и их глаза распахиваются в немом удивлении.

Я же впиваюсь ногтями в ладони, изо всех силы кусаю язык — делаю все, чтобы сохранить самообладание.

— Лена, я с кем разговариваю?! — Леша хватает меня за запястье и резко разворачивает к себе.

Встречаюсь с наполненными яростью, зелеными глазами бывшего мужа и закипаю сама.

Да, кто он такой, чтобы со мной так обращаться?!

— Отпусти, — шиплю, пытаясь вывернуть руку из длинных пальцев, но только сильнее стягиваю кожу, и ее начинает почти нестерпимо жечь. — Отпусти меня! — говорю отдельно, наполняя голос максимальной силой.

Никакого эффекта.

— Не раньше, чем ты расскажешь, что у тебя случилось! — произносит Леша безапелляционно.

Набираю в грудь побольше воздуха, чтобы послать его куда подальше, как створки лифта разъезжаются. Быстрые шаги разносятся по маленькому пространству тамбура. Дергаю руку, но пытаться вызвать запястье из железной хватки мужа, то же самое, что стараться избавиться от наручников без ключей. Дергаю снова. И снова. Черт! Мне нужно зайти в этот лифт. Нужно, чтобы он увез меня от бывшего мужа подальше. Не хочу его больше видеть! Никогда!

— Что здесь происходит? — мужской голос прерывается тихим шумом уезжающего лифта, но облегчение все равно начинает зарождаться в теле. И, я уверена, отражается на моем лице.

Потому что бывший муж сужает глаза и злобно заглядывает мне за плечо.

Глава 8

— Я спрашиваю, что здесь происходит? — приказной тон может принадлежать только одному человеку. Тому самому, к которому я пришла.

— Глеб, — оборачиваюсь, стараюсь мягко улыбнуться, но не уверена, что получается, потому что мужчина сильнее хмурится, засовывает одну руку в карман черных брюк, а во второй — сжимает телефон.

Глеб взглядом прослеживает по мне, после чего задерживается на хватке Леша на моем запястье и только после этого смотрит на друга. Лица бывшего мужа не вижу, зато чувствую, как его хватка усиливается. С шипением втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы.

— Я непонятно выражаюсь? — Глеб в свойственной ему небрежной манере вздергивает бровь.

— Иди, куда шел, — огрызается Леша и тянет меня на себя. — Я сам разберусь со своей женой.

Замираю. Ноги будто к полу прирастают. Тяжело сглатываю и медленно перевожу взгляд на Лешу. Он, поджав губы, испепеляюще смотрит на друга. Меня не опускает. Чувствую себя призраком, за которого решают отправить его в ад или оставить в раю и подарить крылья. Вот только я жива и свободна. Свободна!

— Бывшая, — говорю спокойно, хотя внутри клокочет злость. Леша резко опускает взгляд на меня. — Я твоя бывшая жена. И пришла ни к тебе, — снова дергаю руку, но очередная попытка освободиться ничем путным не заканчивается.

Поэтому я решаю забить на гиблое дело и поворачиваюсь к Глебу.

— Можем, мы поговорить где-нибудь? — смотрю на него умоляюще. — Наедине, — кошусь на бывшего мужа.

— Лена, — за спиной раздается предупреждающее шипение.

Глеб не выдерживает. В два шага сокращает расстояние между нами и кладет ладонь на плечо моего бывшего мужа.

— Отпусти, — произносит спокойно, но в его голосе слышится неиссякаемая сила.

Наступает гнетущее молчание. Оно утяжеляет воздух, давит неподъемным грузом на грудь. Из-за нее становится почти невозможно дышать и хочется сбежать куда-нибудь подальше.

— Ты мне сам когда-то сказал не лезть в твои отношения с Дашей, последуй своему же совету, — произносит Леша напряженно, будто сдерживается из последних сил.

Глеб резко становится максимально серьезным, распрямляет плечи, а пальцы, сжимающие плечо друга, сильнее впиваются в ткань пиджака.

— Ты, как никто, должен знать, что у нас с Дашей другая ситуация, — говорит он довольно спокойно, хотя в каждом слове улавливается скрытый подтекст.

Мужчины, похоже, решили устроить гляделки. Оба смотрят исподлобья, будто собираются поубивать друг друга. Никто не собирается сдаваться. Никто не собирается уступать. А я не хочу становиться между ними буфером! У меня своих проблем предостаточно!

— Встретимся в другой раз? — касаюсь руки Глеба, чтобы привлечь его внимание — все-таки мне нужна его помощь. Очередная попытка вытащить запястье из грубых пальцев будущего мужа ни к чему не приводит, но хотя бы эти два упертых барана перестают соревноваться, у кого рога длиннее.

— Ты никуда не пойдешь, пока не расскажешь, что случилось! — тихое рычание Леши оказывается последней каплей.

— Хватит! Просто хватит! — закрываю глаза свободной рукой, чувствуя, как безнадежность моей ситуации, начинает просачиваться через надежду, которой я себя тешила все это время.

— Лена, — Леша, наконец, отпускает многострадальное запястье, но только для того, чтобы обхватить мои плечи и заставить посмотреть ему в глаза. — Просто расскажи, что случилось, — его глаза начинают оттаивать, в них появляется знакомое тепло, но я не позволяю ему просочиться в мое тело.

Однажды я уже доверилась этому мужчине, и к чему это привело?

Звук приближающихся шагов прерывает мои терзания. Делаю шаг назад, ожидая, что бывший муж тут же последует за мной. Но он меня удивляет: не пытается задержать и просто отпускает. Его руки падают вдоль тела. Вот только глаза все еще не отрываются от меня. В них ничего прочесть не удается. Похоже, за два года, Леша хорошо научился скрывать свои эмоции. А может, он поступал так и раньше, а я, дурочка, не замечала?

В тамбур влетает девушка с растрепанными русыми волосами и папками, прижатыми к белой блузке. На мгновение задерживается у дверей, окидывая всех присутствующих внимательным взглядом, после чего снова срывается с места.

— Добрый день, — она нажимает на кнопку вызова лифта, больше не смотрит на нас, отбивает чечетку каблуком туфли.

Глеб тоже здоровается с девушкой, после чего сосредотачивается на нас с Лешей.

— Пойдемте в переговорную, — он кивает в сторону выхода. — Я так понимаю, что вопрос срочный и время терять не нужно, — это предназначается уже мне.

Хочется отказаться, попросить встретиться со мной позже, но воспоминания о сыне, не дают мне ступить и шага к открывшемуся лифту. Створки снова приходят в движение, а я опускаю плечи. Выбор очевиден. Между разговором при бывшем муже и будущем своего сына, первое точно — меньшее из зол, поэтому я просто киваю.

Бреду по коридору вслед за Глебом. Взгляд бывшего мужа прожигает мне спину, посылая мурашки с иголками вместо “лапок” по позвоночнику. Желудок скручивает, дыхание спирает, но я стараюсь идти размеренно, шаг за шагом. Останавливаюсь, только когда Глеб открывает очередную дверь и пропускает меня вперед.

Небольшая комната с белыми стенами встречает сначала меня, а потом мужчин. Не чувствуя ног, подхожу к круглому столу, стоящему напротив большого окна. Отодвигаю одно из кресел и плюхаюсь в него. Тру лицо похолодевшими ладонями, пытаясь сконцентрироваться. В это время мужчины садятся напротив, а тихий голос Глеба оглушает:

— Рассказывай.

Перевожу взгляд на голубое, без единого облачка, небо, которое виднеется над крышами многоэтажек, и начинаю говорить.

Рассказать историю оказывается просто. Я заперла в груди все эмоции, абстрагировалась, как нас учили в университете. Слова друг за другом вылетают изо рта, в подробностях описывая историю, в которую влипла. Заканчиваю на последней нашей встрече с мужем пациентки, и его угрозах, после чего замолкаю. Взгляда от окна не отвожу, лишь аккуратно потираю саднящее запястье. Жду. Не знаю, сколько проходит времени, но, скорее всего, секунды, которые кажутся часами. Уже отчаиваюсь, когда слышу тяжелый вздох, после чего раздается скрип стула.

— Я займусь твоим делом, — заявляет бывший муж.

В голове раздается крик: “Нет!”.

Глава 9

— Я пришла сюда не твоей помощи просить, — цежу сквозь стиснутые зубы, все так же глядя в окно.

Не хочу видеть лица бывшего мужа. Его настойчивых глаз. Выражения лица с тонкими чертами, кричащего, что власть в его руках. Мне достаточно той боли, которую он уже мне причинил.

— Лена…

— Что Лена?! — не выдерживаю, перевожу взгляд на Лешу, который оказывается встал и смотрит на меня исподлобья, упираясь ладонями в стол. — Тебе мало того, что ты испортил мне жизнь? Решил добить окончательно? Ты понимаешь, что от этого дела зависит мое будущее? Я не могу его похерить… еще раз! — ядовитые слова вырываются из меня, а я даже не пытаюсь их сдерживать.

Мне надоело! Все надоело!

Я же жила спокойно, никого не трогала. Воспитывала прекрасного малыша, делала для него все! Зачем судьба вернула бывшего мужа в мою жизнь? Почему она настолько жестока?

— Я просто хочу тебе помочь, — произносит Леша, немного успокоившись. По крайней мере, в голосе больше не слышится рычащих ноток.

— У тебя достаточно людей, кому можно помогать. Клиенты, Лика, — желудок стягивает, когда вспоминаю любовницу мужа, стоящую перед ним обнаженной, — Анфиса, — выплевываю последнее имя, которое явно оказывается лишним, но я не могу держать его в себе.

Мне достаточно того, что эта девица портила мою семейную жизнь с первого дня нашей с Лешей свадьбы. Не хватало еще после развода видеть ее насмешливое лицо.

— Лика в розыске, Анфиса здесь вообще ни при чем, — Леша отрывается от стола и начинает двигаться в мою сторону.

— В розыске? — хмурюсь и бросаю взгляд на Глеба.

— Это долгая история, — он пожимает плечами, откидывается на спинку стула и складывает руки на груди.

Задать уточняющие вопросы не успеваю, потому что бывший муж останавливается рядом со мной, протягивает мне руку. Поднимаю голову и встречаюсь с зелеными глазами Леши.

— Поговорим? — спрашивает он с силой, будто приказывает.

Съеживаюсь от знакомого тона. Я часто его слышала в прошлом. Леша всегда любил указывать, что мне нужно делать, а я старалась быть хорошей женой. Считала, что ссоры и скандалы рушат семьи. Но сейчас я больше не замужем, поэтому роль послушной жены играть больше не собираюсь.

— Нам не о чем говорить, — произношу максимально уверенно и перевожу взгляд на человека, который становится моей последней надеждой. — Глеб, ты поможешь мне?

— Конечно, — он достает бумажник из внутреннего кармана пиджака, открывает его и вытаскивает белый, картонный прямоугольник. — Пришли мне информацию, которая у тебя есть, на электронную почту. А также нужны все контакты: главного врача, анестезиолога, всех медсестер, которые присутствовали на операции, и т.д.. Если есть номер пациентки и ее мужа, то его тоже не забудь, — протягивает мне визитку.

Я ее сразу же беру и крепко держу между пальцами, боясь потерять соломинку, которая может спасти утопающую меня.

— Спасибо, — выдавливаю, надеюсь, добродушную улыбку, после чего встаю. — Я пойду, у меня еще есть важные дела.

Не жду. Просто разворачиваюсь и направляюсь к выходу из кабинета. Но даже двух шагов не могу сделать, как Леша преграждает мне путь.

Набираю в грудь побольше воздуха, в последний раз заглядываю в глаза бывшему мужу. Если повезет, в последний раз.

— Я тебе не доверяю, — произношу тихо и стараюсь правдивыми словами передать все чувства, которые не перестают рваться наружу. — Понимаешь? Не доверяю.

В глазах бывшего мужа мелькает что-то напоминающее боль, но оно быстро скрывается за маской безразличия. Леша поджимает губы, недолго смотрит на меня, после чего засовывают руки в карманы брюк.

— Хорошо, — отходит в сторону, но я почему-то не чувствую облегчения. Нехорошее предчувствие разливается по телу. Что-то здесь не так. Что-то не так.

Засовываю чувства подальше и оглядываюсь через плечо.

— До свидания, — еще раз улыбаюсь Глебу, прежде чем пойти к двери.

Вот только не успеваю до нее добраться, как чувствую вибрацию в заднем кармане. Останавливаюсь, достаю телефон, нажимаю на экран и взвизгиваю, видя уведомление:

“Это ребенок, которого ты убила. Что, если бы здесь был твой?”

Дрожащими пальцами открываю сообщение. Фотография сразу бросается в глаза. Сердце замирает, тело наполняется холодом. Телефон выскальзывает из пальцев, а в голове звучит только шум. Не могу отвести взгляда от телефона, который валяется у моих ног. А перед глазами стоит картинка, которая всего недавно было на экране.

Сквозь пелену шума прорываются быстро приближающиеся шаги.

— Что там? — Леша поднимает телефон с пола. Заглядывает в него.

Глава 10

— Мама, — словно из-за стекла до меня доносится голос сына. — Мама, — его плач разрывает сердце. Но все, что я вижу — темнота. Она окружает меня, не дает сделать шага без накатывающего волнами страха.

Плач становится все громче и громче. Тянусь за ним. Пытаюсь найти сына, но тщетно. Даже своих рук не вижу. Лишь промозглый воздух проходит между пальцами. А рыдания не прекращаются. Нужно бежать, искать сына. Только где? Я ничего не вижу!

“Сашенька, малыш, все хорошо. Мамочка скоро придет.”, — кричу мысленно и делаю шаг в… бездну. Желудок ухает вниз, волосы поднимаются, кожа покрывается мурашками ужаса и… я открываю глаза.

Солнце бьет в лицо. Приходится зажмуриться, чтобы успокоить резь, а только после этого снова распахнуть веки. Солнечные зайчики пляшут по белому натяжному потолку, который кажется слишком светлым и так сильно отличается от тьмы, в которую меня затягивало всего несколько мгновений назад.

Медленно вдыхаю и также медленно выдыхаю, пытаясь успокоить непонятно куда несущееся сердцебиение. Страх, который во сне окутал тело, все еще ползет по коже. Его ледяные “лапки” щекочут, вызывая желание провести ладонями по рукам, чтобы избавиться от неприятного ощущения. Но только я хочу сделать этого, детский плач доносится до меня. Уже в реальности.

Резко сажусь на кровати, откидываю одеяло и, даже не пытаясь найти тапочки на полу, подрываюсь. Мимолетный взгляд на отражение в зеркале, установленном на дверце шкафа, открывает вид на замученную переживаниями девушку в бордовой пижаме в черную клеточку. Волосы взлохмачены, в глазах поселилась тревога. Но это все, что я успеваю рассмотреть, потому что вылетаю из спальни и, преодолев короткий коридор с двумя дверьми, забегаю в детскую комнату с голубыми обоями, на которых нарисованы машинки. Глазами сразу нахожу своего мальчика. Он сидит в красной кровати-машинке, которую ему подарила бабушка. Крупные слезы катятся по его раскрасневшемуся личику, а сам он тянет ручки ко мне. Я тут же подлетаю к Сашеньке, подхватываю и прижимаю к груди. Он сразу же обнимает меня за шею, а плач начинает прекращаться. Остаются только едва слышные всхлипы, но и они быстро затихают при помощи поглаживаний по маленькой головке. Мое сердцебиение тоже замедляется, стоит мозгу понять, что с Сашенькой все в порядке.

Вчерашнее сообщение выбило меня из колеи, вдобавок сердце сжалось от того, что Леша прочитал про “моего ребенка”, но, похоже, ему действительно плевать на сына, потому что он даже ничего не спросил про малыша. Только чуть ли не до скрипа сжал челюсти, а в глазах появился опасный блеск. После чего они с Глебом занялись делом, достав всю необходимую информацию из моего телефона.

От предложения бывшего мужа подвезти меня, я, естественно, отказалась, хоть тело и онемело от ужаса. Лучше добираться домой на метро, пытаясь справиться с паническими атаками, чем провести около часа с предателем в замкнутом пространстве. Тем более, Анфиса появилась“очень вовремя”. За ее заискивающими взглядами и обнимашками с моим бывшем мужем я наблюдать точно не собиралась.

В итоге, все закончилась неплохо. Глеб сказал, что мне перезвонит в ближайшее время. И был Сашенька в порядке. Я не отходила от него весь вчерашний день, и почти всю ночь просидела на полу у кроватки, наблюдая за мирным посапыванием малыша. Ушла спать только после того, как глаза начали слипаться и отказывались открываться вновь.

Единственный плюс, почти бессонной ночи — после страшного сообщения, я почти смогла убедить себя, что это все пустые угрозы. И то, что Сашенька сейчас начинает возиться у меня на руках, помогает принять тот факт, что мои страхи хоть не беспочвенны, но напрасны.

— Доброе утро, — заглядываю в глаза сыну и чуть его подбрасываю в воздух, чтобы перехватить удобнее.

Сразу же слышу его задорный смех. Он греет душу. Страх постепенно начинает отступать, а усталость наваливается на плечи, но отдыха мне теперь не видать. Нужно идти кормить сына.

— Как насчет каши? — широко улыбаюсь малышу.

— Кася-я-я! — он поднимает маленькие ручки и пытается схватить меня за щеки.

Я осторожно отворачиваюсь от его цепких пальчиков, усмехаюсь.

— Каша, так каша, — бормочу, выходя из комнаты и направляясь в соседнюю комнату.

В квартире, которую мы с сыном снимаем у нашей соседки, маленькая и очень светлая кухня. Белые с розовыми цветами обои, большое окно, бежевые шкафчики на полу и стене с одной стороны комнаты добавляют не только света, но и пространства. Прохожу вглубь комнаты, сразу направляясь к холодильнику у окна, вид из которого открывается на двор. Достаю молоко, а из шкафчика рядом вытаскиваю манную кашу. Мой ребенок ее просто обожает. В этом он тоже пошел в меня. В детстве я почти каждое утро просила у бабушки готовить манку… с комочками. Бабуля бормотала, что это извращение, но все равно исполняла “заказ”.

— Может, на стульчик сядешь? — указываю головой на стоящий сзади стол, за который задвинуты два деревянных стула с большими подлокотниками.

— Неть, — поджимает губки сынишка, глядя на меня строго, совсем как его отец.

Воспоминания о Леше больно сдавливают грудь. Мотаю головой, чтобы от них избавиться.

Сашенька сильно вцепляется в мою шею, как бы показывает, что хочет остаться у мамочки на ручках, поэтому я сдаюсь.

— Ла-а-адно, — хмыкаю обессиленно.

Едва успеваю поставить наполненный молоком сотейник на плиту и включить газ, как раздается звонок в дверь. Желудок стягивает в тугой узел. Воспоминания о вчерашнем сообщении проносятся перед глазами.

Нет! Нельзя позволять им захватить разум! Да, я никого сегодня не жду. Но накручивать себя — последнее, что нужно делать. Особенно, когда мое будущее висит на волоске.

Сильнее прижимаю сына к себе и на негнущихся ногах иду к двери. Стук сердца отдается в ушах, и мне кое-как удается контролировать поднимающуюся в теле панику. Кусаю щеку, когда смотрю в глазок, после чего протяжно выдыхаю. Облегчение волной проносится по телу. Поворачиваю ключ в замочной скважине и распахиваю дверь.

На лестничной площадке стоит соседка в длинной белой ночнушке, тапочках и накинутой на плечи серой шалью.

— Что-то случилось? — спрашиваю первым делом взволнованно, тетя Зина кажется какой-то бледной.

— Да, голова раскалывается, — подносит пальцы к виску и осторожно трет. — Давление скачет, а у меня таблетки закончились. Может, у тебя получится спуститься в аптеку. Я пока с Сашей посижу? — протягивает руки, и сынишка тут же отпускает меня, перелезая к доброй женщине на руки.

Бросаю взгляд на плиту.

— Сейчас только молоко выключу, я кашу хотела сварить, — дергаюсь в сторону кухни, но тетя Зина кладет свободную руку мне на плечо.

— Я доварю, — улыбается, явно, через силу. — Какую?

— Манную, — кусаю губу, когда вижу, как женщина кривится.

— И ты ее ешь? — спрашивает серьезно у Саши.

— Касю-ю-ю! — он обнимает тетю Зину за шею.

Я не могу сдержать улыбку, умиляясь сцене, которая разворачивается перед моими глазами. Уступаю дорогу соседке, когда она заходит в квартиру, после чего обуваю грубые ботинки и тянусь за черным пальто, висящем на вешалке рядом с детской одеждой.

— Я скоро, — засовываю руку в карман, нащупываю там кошелек, телефон, к которому вчера боялась притронуться, и, поцеловав сына, выхожу из квартиры.

Как всегда, чтобы спуститься, предпочитаю лестницу. Но едва успеваю выйти из подъезда и сделать пару шагов, как передо мной вырастает гора в виде лысого амбала в черном костюме, глядящего на меня сверху вниз.

— Елена Васильевна, пройдемте со мной, — грохочет он, указывая рукой на припаркованный рядом с тротуаром джип с тонированными стеклами.

Глава 11

— Я никуда с вами не пойду, — отступаю. Оглядываюсь по сторонам. Вижу только бабушку, сидящую у дальнего подъезда. У нее на голове цветастый платок, на носу огромные очки в роговой оправе, и смотрит она в какую-то книгу, а не на нас.

На парковке всего несколько машин, пару деревьев и пустая детская площадка. Еще нас окружают высотки. Они напоминают мне бетонных монстров, готовых погладить любой мой крик.

— Не заставляйте, применять силу, — хоть в голосе амбала слышится вежливость, но я не сомневаюсь — она напускная.

Поэтому, как только он делает шаг ко мне, резко разворачиваюсь и даю деру.

Дверь подъезда манит, приближается, я почти касаюсь ручки, когда чувствую тиски, сжимающие мою талию.

Истошный крик вырывается из моего горла. Ногтями впиваюсь в толстую кожу рук, сжимающих мой живот. Брыкаюсь, вырываюсь. Бью амбала, который поднимает меня и куда-то несет, кулаками по рукам, пятками по ногам. Кручусь. Стараюсь ударить даже затылком в нос, но у меня ничего не выходит.

А когда я вижу у машины еще одного такого же громилу только с черными волосами и широкими бровями, желудок стягивается в узел. Меня начинает тошнить, потому что этот второй открывает заднюю дверцу машины.

Начинаю брыкаться сильнее, кричу громче, но меня никто не слышит! Никто!

Лысый амбал подносит меня к джипу, запихивает внутрь. Точнее, пытается, потому что я широко расставляю ноги, руками вцепляюсь в крышу машины. Но второй не остается в стороне — он сдирает мои пальцы, не заботясь о том, что может поранить.

Фаланги до боли выгибаются, кожа царапается. Не успеваю сориентироваться, как громила еще и обхватывает мои ноги, грубо соединяет их. Его напарник проталкивает меня в джип, захлопывает заднюю дверцу.

Пеликание сигнализации раздается в тот самый момент, когда я выпрямляюсь на сиденьи и тянусь к двери. Дергаю за ручку, краем глаза наблюдая, как громила останавливается у переднего пассажирского сиденья, а амбал — быстро огибает машину.

Сердце заходится в бешеном танце. Понимаю, что заперта, но все равно не оставляю попыток выбраться — ползу на другую сторону машины и проверяю на прочность вторую ручку. Бесполезно. Оглядываюсь. Ищу что-нибудь твердое, чтобы разбить окно. Но кроме маленькой серой подушки, лежащий на возвышении у заднего стекла, ничего не нахожу.

Моим похитителям хватает секундной заминки, чтобы забраться в машину, после чего снова раздается звук сигнализации.

У меня опускаются руки.

Кажется, что прошла вечность, но на самом деле — не больше минуты. Никаких новых прохожих во дворе не появилось. Бабушка тоже исчезла. Видимо, решила, что жизнь ей дороже.

Джип газует, меня откидывает на спинку сиденья. Хватаюсь за ремень безопасности, судорожно тяну его. Пытаюсь пристегнуться, но не могу попасть в защелку. Постоянно промахиваюсь. Пальцы дрожат, внутри все сжимается. Когда раздается характерный щелчок, это можно считать неимоверной удачей. Но ремень я не отпускаю. Держу его в районе груди, чувствуя, как острый край режет руки. Плевать. Оглядываюсь. Пытаюсь понять, куда мы едем, но вижу лишь мелькающие машины, дома и деревья.

Безнадежность накатывает волной, ложится тяжелым грузом на плечи.

Сглатываю, перевожу взгляд на своих похитителей, которые молча сидят на передних сиденьях и смотрят вперед.

Сглатываю, пытаясь смочить пересохшее горло.

— Куда вы меня везете? — пищу, дрожащим голосом.

Кусаю губы, переводя взгляд с одного похитителя на другого, но никто даже ухом не ведет. Как сидели статуями, так и сидят. Только одному приходится шевелиться, чтобы вести машину. На мой вопрос, который я повторяю снова и снова, никто не отвечает.

Личико моего сына появляется перед глазами. Как он будет без меня?

Нет! Нельзя отчаиваться! Я вернусь к нему! Скоро! Неважно, что для этого нужно будет сделать, но я вернусь. А пока он с соседкой. В безопасности!

Я успеваю полностью извести себя, пока мы не останавливаемся на неизвестной мне парковке. Только все становится хуже, когда через лобовое стекло вижу, куда меня привезли. Рот распахивается, а по телу проносится крупная дрожь.

Похитители выходят из машины. Дверь не запирают, вот только у меня пропадает желание покидать теплое, а главное, безопасное пространство. Но кто же меня послушает?

Дверь с моей стороны распахивается и громила засовывает свое огромное тело в салон. Пытаюсь вжаться в сиденье, когда он тянет ко мне свои огромные лапы. Отползти не получается. Мешает ремень безопасности. Но он также становится моей единственной защитой, когда цепкие пальцы громилы оказываются совсем близко. Вот только они проскальзывают мимо, а через мгновение раздается знакомый щелчок. Дыхание застревает в груди. Не успеваю, придумать, что делать, как громила хватает и вытаскивает на улицу.

Амбал тоже оказывается рядом, вырывает ремень из моих рук. Болезненное жжение опаляет ладони. Стискиваю челюсти, чтобы не застонать вслух, поэтому из меня вырывается лишь мычание.

Ветер забирается под одежду, начинаю дрожать сильнее. Засовываю руки в карманы, чтобы хоть как-то сохранить тепло и сразу нахожу телефон. Луч надежды появляется на горизонте. Кусаю губу, чтобы сдержать облегченную улыбку.

— Иди, — амбал толкает меня в спину.

Спотыкаясь и едва не лечу на асфальт. Мне требуется мгновение, чтобы восстановить равновесие, после чего осматриваюсь. Вокруг пустырь. Больше ничего. Если побегу, меня поймают. Поэтому нужно улучить момент и воспользоваться телефоном. А пока этого не произошло, придется слушаться.

Послушно переставляю ноги. Захожу в черные кованые ворота. Вокруг замогильная тишина, которую разрывает только карканье одиноко ворона. Смотрю себе под ноги, видеть окружающий “пейзаж” не сильно хочется. Место, куда меня привезли, заставляет спину покрыться холодным потом, а волосы встать дыбом. Шелест листьев на высоких деревьях добавляет гнетущей атмосферы, но я не останавливаюсь — иду, следуя указаниям “направо”, “налево”, “прямо”. Не знаю, кто сзади амбал или громила. В любом случае, ни от одного из них мне не сбежать. Хотя надежды до конца я не теряю — иногда поднимаю глаза, чтобы проверить нет ли подходящей возможности. Сердце каждый раз пропускает удар, когда вместо пути к отступлению в очередной раз сталкиваюсь с мрамором. Жестким, холодным, бездушным.

Когда я снова собираюсь с силами, чтобы поднять голову, замечаю одинокую фигуру в черном плаще, стоящую в паре шагов от меня. По затылку узнаю мужчину, который стоит над маленьким надгробием и возвышающимся над ним крестом. Застываю, готовясь к еще одному толчку в спину, но его нет. Шаги тоже затихают. Остается лишь пронзающий насквозь ветер и липкий страх, ползущий по коже. Крепче сжимаю телефон — мне нужен один подходящий момент. Всего один.

— Зачем вы сюда меня привезли? — не выдерживаю давящего молчания. Лучше узнать все и сразу, как пластырь оторвать.

— А ты как думаешь? — мужчина оглядывается на меня, а в глазах отражается пустота.

Глава 12

— Что вам от меня нужно? — приподнимаю плечи, чтобы хоть как-то защититься от пронизывающего до костей ветра.

Михаил Алексеевич окидывает меня взглядом, в котором мелькает презрение, после чего отворачивается.

— Подумал, что фотографии недостаточно. Хотел, чтобы ты увидела все своими глазами, — он немного отходит в сторону. — Подойди.

“И не подумаю”, — вертится на языке, но горло перехватывает, а грудь сжимает с такой силой, будто кто-то пытается выдавать из меня душу. Ноги прирастают в земле, и даже если бы я хотела, не смогла бы пошевелиться. Зато очередной толчок в спину сразу же приводит меня в движение. Приходится сделать широкий шаг вперед, чтобы устоять, а не пропахать носом землю.

Михаил Алексеевич оказывается всего в нескольких шагах от меня. Мысли мечутся в поисках выхода из ситуации, но не видят его. Вокруг никого нет, кроме поехавшего мужчины и его невозмутимого, готового на все охранника. Мозг подбрасывает жесткие картинки расправы надо мной. Прикрываю глаза, пытаясь избавиться от жути, созданной воображением. Не может же быть, что в наше время будут измываться над невинным человеком. Тем более, девушкой.

Набираю в грудь побольше воздуха, крепче сжимаю телефон и направляюсь к мужчине.

Нужно только улучить момент… всего один момент.

А пока лучше слушаться и не спорить. Мало ли, что человеку, у которого явно снесло крышу, придет в голову.

Останавливаюсь рядом с ним. Стараюсь смотреть куда угодно, только не на имя, будто размашистым почерком нанесенное на прямоугольную табличку. Наблюдать за старым дубом с необъятным стволом куда интереснее. Можно проследить за рисунком коры, длинными ветвями, напоминающими лапами, листьями, с которыми играет ветер...

— Я даже фотографию сделать не смог, — тихо произносит Михаил Александрович, засовывая руки в карманы пальто.

— Мне жаль, — мой шепот наполнен искренностью.

Не представляю, чтобы я чувствовала, окажись на его месте. Только от одной мысли в горле появляется ком, а сердце болезненно сжимается.

— Ты впервые это сказала, — хмыкает он.

— Что “это”? — непонимающе хмурюсь, переведя взгляд на жесткий профиль мужчины.

Михаил Александрович достает из кармана серебряную фляжку и начинает откручивать крышку.

— Я впервые слышу о твоем сожалении, — он запрокидывает голову, заливает в рот золотистую жидкость. Выпрямляется. Не кривясь глотает, после чего закручивает крышку, стискивая фляжку пальцами. — Обычно убийцы не раскаиваются.

— Михаил Александрович… — начинаю обреченно, но когда мужчина взмахивает рукой и жестко смотрит на меня, замолкаю.

— Не заводи снова свою шарманку, — его голос наполнен отвращением. Михаил Александрович тяжело вздыхает, и переводит взгляд на надгробие, после чего на его лице начинает растягиваться хищная ухмылка. — Вообще, моего сына тут нет.

Мои глаза распахиваются. Перевожу взгляд на черный крест с мраморной табличкой, на котором написано Левашов Дмитрий Михайлов, после чего снова смотрю на скорбящего отца.

— А г…где он? — до боли прикусываю язык, сильнее сжимаю телефон, боясь услышать ответ.

— У моего знакомого врача. Он проведет все необходимые тесты, чтобы доказать твою вину, — мужчина становится передо мной и всматривается в мое лицо.

Начинаю судорожно соображать, даже внимания не обращаю на наполненный ядом взгляд, пытающийся проникнуть мне в голову. Вскрытие — это неплохо. Оно может доказать, что с моей стороны не было допущено ошибки. А еще поможет найти истинную причину гибели малыша. Но… его уже должны были провести у нас в клинике. Зачем повторное? Если только “новые тесты” не проводят специально, чтобы опровергнуть результаты первого исследования, которое показало, что врачебной ошибки не было.

— Вы все для себя решили, верно? — силы покидают меня, освобождая место безнадежности. Мне не нужно слышать ответ, что понять — я права. — Тогда, зачем вы меня сюда привезли? — внимательно смотрю на мужчину, пытаюсь найти на его лице хоть долю человечности за слоем безжизненной маски.

— Хотел посмотреть на твою реакцию, — он пожимает плечами.

— Что увидели? — склоняю голову набок, пытаясь выглядеть уверенно, пока у меня в груди паника захватывает главенствующее место.

Дышу рвано. Холода не чувствую, потому что кровь в венах леденеет.

— Не могу тебя понять, — Михаил Александрович жестко усмехается. — Вроде нормальная баба, — скользит по мне быстрым взглядом, после чего возвращается к глазам, — еще и врач. Зачем отрицаешь очевидное? У моей жены была очень легкая беременность. И ты хочешь сказать, что попав к тебе в руки у нее резко начались проблемы со здоровьем? — приподнимает бровь. — Давно бы призналась, что косякнула, и мы бы решили все полюбовно. Да, ты бы больше никогда не занималась врачебной практикой, но разве это не лучше, чем тюрьма?

Пристально смотрю на мужчину. Пытаюсь понять, он говорит серьезно или издевается надо мной. Вот только кроме бездушной маски ничего не вижу.

— Знаете, почему вы не понимаете меня? — делаю маленький шаг назад, чтобы увеличить расстояние между нами. — Потому что я ни в чем не виновата, — хмыкаю, когда замечаю, что глаза мужчины ожесточаются. — Как я могу признаться в том, чего не делала?

— Упрямая, — Михаил Александрович качает головой, его темные волосы развеваются на ветру. — Так вот, ты должна знать — я тоже. Не позволю тебе навредить еще кому-нибудь. Не говоря уже о том, чтобы разрушить очередную семью, как ты сделала с моей, — он смотрит на меня, как на букашку, которую собирается раздавить.

Именно в этот момент осознаю — доказывать мужчине свою правоту бессмысленно. Он вбил себе в голову, что меня нужно наказать. Вынес приговор без суда и следствия. И разбираться ни в чем не собирается.

— Вы все сказали? — вздыхаю, мои плечи опускаются. — Теперь я могу ехать домой?

Мужчина приподнимает бровь. Но проходит мгновение, как уголок его губ ползет вверх, порождая коварную ухмылку.

— Как я понял, ты обратилась к бывшему мужу, чтобы он защищал твои интересы, — говорит Михаил Александрович слишком буднично.

Сердце пропускает удар. Глаза расширяются. Волосы застревают между ресницами, попадают в приоткрытый рот. Приходится вытаскивать руку из кармана, чтобы заправить непослушные, щекочущие лицо пряди за ухо.

— Откуда вы знаете? — говорю тихо, но ветер доносит мужчине мои слова.

— Не думала же ты, что я оставлю тебя без присмотра? — его усмешка становится шире, а в глазах мелькает настоящее безумие. — Думаешь, бывший муж тебе поможет? Хотя, не отвечай! Давай спросим у него, чтобы он сделал, если бы ты убила вашего сына. Как там его зовут? Саша?

Мужчине не ждет моего ответа. Просто переводит взгляд мне за спину. К горлу подступает тошнота. Тяжелый воздух оседает в легких, а кожу покрывают ледяные мурашки. Вот только они ничего общего не имеет с очередным порывом ветра.

Медленно оборачиваюсь. Моментально замечаю Лешу, идущего широкими шагами в нашу сторону.

Глава 13

Плечи бывшего мужа расправлены. Он двигается быстро, будто не замечая холода. Хотя на нем лишь брюки и белая рубашка, рукава которой закатаны до локтей. Лица не вижу, но складывается впечатление, что сейчас Леша больше напоминает призрака, живущего на кладбище, чем человека.

Не проходит и минуты, как он останавливается рядом со мной, хватает за запястье и поворачивает к себе.

— Ты в порядке? — он быстро осматривает меня с ног до головы, прежде чем сосредоточится на лице.

С каждой секундой молчания взгляд бывшего мужа все больше леденеет, после чего он резко смотрит мне за спину.

— Вы перешли черту! — говорит Леша жестко, заталкивая меня за свою спину.

Не сопротивляюсь. Не могу и не собираюсь. Позволяю бывшему мужу встать передо мной, а сама разворачиваюсь и делаю шаг в сторону, чтобы видеть лицо Михаила Александровича.Сразу же жалею, что вышла из укрытия! Бессердечный взгляд мужчины находит мой, а на лице начинает растягиваться коварная ухмылка.

Желудок сдавливает сильнее, когда вспоминаю, что он обещал приплести к разговору Сашеньку.

— Алексей Викторович, рад, что вы приняли мое приглашение, — вздернув бровь, мужчина смотрит на моего бывшего мужа.

— Звонок с информацией о том, что моя жена у вас, а вы на кладбище, вряд ли можно назвать приглашением, — Леша делает шаг вперед. — Вряд ли Лена поехала бы с вами по своей воле. Это уже можно классифицировать как похищение.

Михаил Александрович начинает громко смеяться, запрокинув голову. И перестает также резко.

— Зачем вы так? — натягивает на себя любезную маску. — Я всего лишь хотел поговорить с вашей бывшей, — выделяет последнее слово, — женой в приватной обстановке.

Из меня вырывается шокированный выдох, который поглощает карканье ворона.

Если я думала, что плечи бывшего мужа были напряжены, то очень сильно ошибалась. Сейчас они становятся еще шире и окаменевают, а пальцы сжимаются в кулаки.

— Михаил Александрович, — Леша понижает голос, при этом наполняя его силой. — Попрошу воздержаться от “приватных” встреч с моей женой и по совместительству с клиенткой.

— Значит, все-таки клиенткой? — плотоядно усмехается мужчина. — Я еще не отправил жалобу в следственные органы, но, видимо, зря. Если у госпожи Орловой, — бросает презрительный взгляд на меня, — появился адвокат, это нужно сделать в ближайшее время. Невиновные люди не бегут к адвокатам сломя голову.

— Невиновным людям тоже нужна защита. Иначе, моей профессии не существовало бы, — лица Леши не вижу, но голос звучит так, будто он говорит о самых очевидных в мире вещах. Очень удивлюсь, если он сейчас не подавил желание закатить глаза. — Зачем вы меня сюда пригласили?

— Подумал, что если ваша бывшая жена не согласится на мое предложение, то хотя бы ее адвокат одумается, — Михаил Александрович пожимает плечами.

— О каком предложении речь? — Леша засовывает одну руку в карман брюк, скорее всего, хочет выглядеть менее напряженным, чтобы оппонент тоже немного расслабился. Но спина бывшего мужа больше напоминает скалу.

— Я хочу предложить Елене сделку: она признает свою вину в гибели моего нерожденного сына, а также больше не возвращается к работе в больнице и пациентом, а я, в свою очередь, замну дело о врачебной халатности, — слова Михаила Александровича звучат спокойно, я бы даже сказала, буднично. Будто он сейчас не о моей судьбе разглагольствует, а обсуждает новости с приятелем. — Думаю, вам, как разумному человеку, захочется рассмотреть этот вариант. Все-таки он намного лучше, чем сесть в тюрьму за убийство.

Леша склоняет голову к плечу, скорее всего, сводит брови к переносице, как делал всегда, когда размышлял, и пристально смотрит на мужчину перед ним. Оценивает? Раздумывает? Тошнота подбирается к горлу, дрожь, ни на секунду не оставляющая меня, усиливается. Я не собираюсь признавать вину! Ни за что! И Леша — не мой адвокат! Глеб… Да, Глеб! Он мне поможет. Точно поможет, даже если Леша сейчас согласится на идиотские условия, у меня есть Глеб!

— Есть ли у вас доказательства вины моей клиентки? — деловой тон бывшего мужа вводит в ступор.

Брови Михаила Александровича взлетают.

— Вам мало того, что мой ребенок умер у нее на столе? — выплевывает он.

— Я так понимаю, ответ на мой вопрос “нет”. В таком случае, должен отложить решение по вашему предложению до выяснения всех обстоятельств, а пока мы вас покинем, — Леша резко разворачивается, не глядя, хватает меня за руку и тащит в ту сторону, откуда пришел.

Амбал не двигается. Мы спокойно проходим мимо, а я шумно выдыхаю. Даже плечи опускаю. Никто не пытается нас остановить. Значит, я скоро выберусь из этого кошмара. Вернусь к Сашеньке!

— Елена, — кричит нам вслед Михаил Александрович, — прошу прощения, что забрал вас от сына, — спотыкаюсь, Леша застывает рядом. — Надеюсь, он не остался один дома, и с ним всем будет в порядке. Не то, что с моим ребенком.

Бывший муж превращается в статую.

Глава 14

— Что он сейчас сказал? — Леша медленно переводит взгляд на меня. Он непроницаемый, пустой, но мне от него становится по-настоящему жутко.

Напряжение, которое только начало отпускать, вновь вспыхивает с новой силой. Кровь отходит в ноги, заставляя меня заледенеть от страха. Я знала, что этот момент настанет, но не было уверена, как скоро.

Невольно оглядываюсь, встречаюсь с насмешливыми глазами Михаила Александровича. Не знаю, всегда ли он был таким бессердечным или стал после гибели малыша, но мужчина явно решил испортить мне жизнь по всем фронтам.

— Давай не здесь, — сердце сжимается в ожидании ответа, горло перехватывает, дышать становится тяжело. Опускаю голову, боюсь снова посмотреть на Лешу.

Кажется, проходит вечность, прежде чем бывший муж до боли сжимает мою руку и тащит дальше. Мне приходится почти бежать, чтобы успевать за его широченными шагами.

Жгучая боль в запястье волнами проносится по телу. Сцепляю зубы, чтобы не издать ни звука. Просто следую за бывшим мужем, пока мы не покидаем угнетающие душу место.

Едва прохожу через ворота, сразу же вздыхаю полной грудью. Но нормальное дыхание возвращается ненадолго. Сразу замечаю громилу, который стоит, прижавшись к одному из припаркованных рядом друг с другом джипов, и курит. Вокруг него стоит вуаль дыма, которую ветер поднимает в небо. Громила поворачивает голову. Видит нас. Желудок ухает вниз, когда он сводит брови к переносице и отталкивает от машины.

Неужели Михаил Александрович решил поиздеваться? Дать надежду выбраться невредимой, а потом резко забрать ее?

Но когда проходит несколько секунд, а громила не пытается преградить нам путь, лишь заводит руки за спину, не выбрасывая при этом сигарету, понимаю, что ошиблась. Вот только расслабиться не получается. Хорошо, что Леша, кажется, сохраняет здравомыслие. Он, нигде не задерживаясь, подводит меня ко второму джипу. Открывает переднюю пассажирскую дверь, при этом не предлагает мне сесть. Просто обхватывает мою талию, приподнимает и грубо запихивает меня внутрь.

Я едва не валюсь с кресла, как слышу громкий хлопок дверью. Прикрываю глаза, протяжно выдыхаю, прежде чем нормально сесть и пристегнуться.

Пока наблюдаю, как Леша обходит машину, появляется ощущение, что я из лап одного монстра вырвалась, но попала в плен к другому. Жесткое выражение лица бывшего мужа прекрасно видно через лобовое стекло. Когда же он резко распахивает дверцу и запрыгивает в джип, у меня в груди все сжимается.

Еще один оглушительный хлопок заставляет меня вздрогнуть и вцепиться в сиденье с обеих сторон. От напряжения начинают побаливать костяшки. Дышать становится неимоверно трудно. Во рту пересыхает.

Леша выглядит спокойным. Я бы даже сказала, умиротворенном. Сидит, откинувшись, на спинку. Дышит размеренно. К рулю не притрагивается.

Но я-то прекрасно знаю бывшего мужа. И это состояние видела раньше. В прошлом я называла его «тихой яростью», после которого обычно разыгрывался настоящий шторм. И попаду ли я под него или нет, зависело от того, успею ли попасть в укрытие.

— Ты не говорила, что у тебя есть мужчина, — произносит бывший муж невозмутимо, но я замечаю, как желваки на щеках начинают подрагивать.

— Нет никакого мужчины, — вылетает из меня быстрее, чем успеваю подумать.

Прикусываю язык. Поздно.

Бывший муж резко поворачивает ко мне голову. Его глаза опаляют. В них плещется нескрываемая яростью.

Пытаюсь отодвинуться подальше, вжаться в дверцу. Ищу за спиной ручку. Но Леша словно читает мои мысли — раздается щелчок замка.

— Нагуляла, значит? — в его голосе отчетливо слышатся рычащие нотки.

Весь воздух вырывается из груди.

— Ты же несерьезно? — говорю так тихо, что сама едва себя слышу.

Нервы натягиваются, ногтями впиваюсь в кожаную обивку сиденья. Не могу отвести глаз от бывшего мужа. Внешне полностью спокойный, но за напускной сдержанностью рвется наружу зверь. Он появляется только тогда, когда Леша слетает с катушек. И я очень надеюсь, что этого не произойдет. Очень надеюсь…

— Говори, — цедит он сквозь стиснутые челюсти.

“Будто ты не знаешь, чей это ребенок!” — хочется прокричать ему в лицо, но я молчу.

Смотрю на бывшего мужа и чувствую, как разочарование разливается по венам. Я когда-то любила этого мужчину. Готова была провести с ним всю жизнь. Доверяла безоговорочно. А он оказался предателем! Но ему этого мало. Леша решил свою вину возложить на мои плечи.

Теперь до меня дошло, почему Леша не ответил на сообщение, в котором я отправила ему фотографию сына. Бывший муж просто подумал, что ребенок не его. А я недостаточно была важна для него, чтобы он потратил свое “драгоценное” время на выяснение обстоятельств.

— Отвези меня домой, — произношу обессиленно, переводя взгляд на лобовое стекло, через которое виднеется кладбище, где, кажется, я похоронила последние остатки своего сердца.

— Лена! — повышает голос Леша.

— Отвези меня домой! — добавляю весомости словам и изо всей силы впиваюсь пальцами в обивку кресла. Удивительно, что она еще не порвалась.

— Ты не ответила на вопрос, — приказной тон бывшего мужа, бесит неимоверно.

Резко разворачиваюсь. Смотрю Леше прямо в глаза, не скрывая лютой ненависти, которая плещется внутри мне. Она разносится по венам, пляшет в обжигающем танце в животе, не дает дышать полной грудью.

— Я сказала: “Отвези меня домой!”, — произношу четко, вкладывая в голос всю силу, которая у меня осталась. — Ты больше не мой муж. Не имеешь права мне указывать или задавать вопросы. Ты для меня никто! А сейчас отвези меня домой. Или я могу выйти и добраться самостоятельно, — вовремя вспоминаю, что телефон и деньги у меня с собой есть.

Я прекрасно знаю, насколько упрямый мой бывший муж. Он любит, чтобы все шло по его плану, обожает руководить людьми и все контролировать. Я же, когда мы были женаты, просто позволяла ему наслаждаться властью, предпочитая отходить в сторону. Но сейчас совсем другая ситуация, я больше не собираюсь ему подчиняться. И, похоже, Леша это понимает.

Противостояние взглядами, которое мы устроили, длится недолго. Бывший муж хмыкает, разрывает зрительный контакт, заводит машину и, не говоря ни слова, выруливает с парковки.

Я должна бы радоваться или хотя бы почувствовать облегчение, но не выходит. Внутри остался осадок из горечи и печали. Как я могла так ошибиться в человеке?

За размышлениями не замечаю, как мы добираемся к моему дому. Только, когда Леша заезжает в знакомый двор, до меня доходит, что он не спросил мой адрес. Леша, что, все это время знал, где мы с Сашенькой живем? От этого осознания становится тошно.

Стоит машине затормозить у моего подъезда, а замку щелкнуть, вылетаю наружу, захлопывая за собой дверцу. Мне нужно уйти от этого предателя! И как можно быстрее!

Второй хлопок заставляет меня поторопиться. Но не успеваю сделать и шага, как на лавочке у подъезда вижу тетю Зину. У нее на руках сидит мой сын, одетый в теплый синий

комбинезон. Сашенька задорно смеется, пытаясь поймать пальцы женщины, которая играет с ним в “козу-егозу”. Но малышу быстро надоедает, он отрывается от своего занятия, сразу же замечает меня.

— Мама! — Саша протягивает ко мне ручки, а мое сердце одновременно наполняется любовью и леденеет от страха, принесенной тенью, которая резко накрывает меня.

Поднимаю голову, смотрю на бывшего мужа и понимаю — моя спокойная жизнь закончена.

Глава 15

— Мама! — кричит громче сын.

Я на автомате несусь к нему, подхватываю на руки, прижимаю груди. Сердце бьется отчаянно. Дышу часто. Боюсь оглянуться.

Смотрю на тетю Зину, понимаю, что мои страхи не беспочвенно. Женщина, которая серую шаль заменила на длинное пальто такого цвета, смотрит мне за спину. Она поджимает губы, и из-за того, что темные волосы затянуты в высокую гульку, ее черты лица становится невероятно острыми.

Тетя Зина переводит взгляд на меня. В нем сразу же мелькает тревога. Блин.

— Куда ты пропала? — да, мне не показалось, волнение проскальзывает и в ее голосе.

— Долгая история, — тяжело вздыхаю, сердце пропускает удар, когда сынишка обнимает меня за шею своими маленькими ручками. — Я вам потом все расскажу, — задерживаю дыхание, стоит “тени” снова накрыть меня. — Спасибо, что с Сашенькой посидели. И простите за таблетки, — страх смешивается с виной, из-за чего голос дрожит.

— Ничего страшного, мы с Сашенькой сходили, но… — она бросает подозрительный взгляд на человека рядом со мной. — С тобой все в порядке?

“Нет!”, — кричит мой мозг, но вместо этого я просто киваю.

Сашенька начинает возиться у меня в руках. Поднимает голову и смотрит на… своего отца.

В голове пустота. Не знаю, что делать. Хочется бежать, но понимаю — бесполезно. Прошлое уже настигло меня. Оно рухнуло мне на голову, давя с такой силой, что невозможно сопротивляться. Боюсь, еще чуть-чуть, и я поддамся его весу.

Моя жизнь превращается в кошмар, от которого едва удалось скрыться два года назад.

— Кхм… — тетя Зина встает. — Я, наверное, пойду. Как понимаю, у тебя намечается… серьезный разговор, — она осматривает бывшего мужа с ног до головы пронзительным взглядом, прежде чем вернуться ко мне. — Если что, ты знаешь, как меня найти.

Тетя Зина медленно разворачивается, до последнее не разрывая зрительного контакта, и идет в сторону подъезда. Смотрю ей вслед, пока она не скрывается за дверью. Осознание, что осталась наедине с бывшим мужем, а у меня на руках сидит наш общий ребенок и с любопытством рассматривает папу, заставляет начать шевелиться. Поднимаю Сашу выше, заглядываю в его прекрасные голубые глазки.

— Пойдем домой? — натянуто улыбаюсь, но сынишке этого достаточно.

Он дарит мне ответную улыбку.

— Домой! — снова обнимает меня.

Стоит начать двигаться, Сашенька заглядывает мне за плечо, смотрит понятно на кого. Как хочется представить, что я сейчас одна, иду с сыном домой, после чего нас ждет счастливый день. Но “тень”, которая не отстает ни на шаг, не дает потеряться в иллюзиях.

Захожу в подъезд, направляюсь к лестнице. Гул шагов по ступеням сливается со стуком сердца. Дрожь стягивает кожу. Пальцы холодеют от страха, как и все внутри. Только благодаря тому, что у меня на руках сын, я не срываюсь. Малыш удерживает от падения с обрыва, а может быть еще и с лестницы. Потому что тяжелые шаги, которые преследуют меня, не дают расслабиться.

Второй этаж приближается очень быстро. Подхожу к своей квартире, бросая взгляд на соседнюю дверь. А что, если забежать к соседке, тогда Леша оставит меня в покое? Ответ приходит сразу же. И он однозначный: “Нет, конечно же”. Поэтому выбора не остается: открываю дверь в свою квартиру и вхожу внутрь, так и не закрыв ее. Разуваюсь, но пальто не снимаю. Сразу прохожу на кухню, направляясь к окну.

Леша ждать себя не заставляет. На удивление аккуратно закрывает за собой дверь, после чего раздаются шорох и шаги.

— Жду объяснений, — летит мне в спину.

Сжимаюсь, но всего на секунду. Через мгновение сажаю сына на подоконник перед собой, не хочу его оставлять, и расправляю плечи.

— Какое объяснение ты хочешь услышать? — смотрю на пустую детскую площадку. Почему-то я редко вижу там детей. Когда мы были маленькие, дома нас было сложно поймать.

— У тебя от меня ребенок! — голос бывшего мужа скрипит от сдерживаемых эмоций. — Это ты не хочешь объяснить?

— Не надо делать вид, что ты не знал, я же послала тебе смс, — Сашенька начинает возиться и хныкать, опускаю взгляд. — Жарко, малыш? — тянусь к замку, но пальцы соскальзывают, стоит за него взяться.

— Какое, к черту, смс?! — рык отдается от стен кухни и почти оглушает меня, вздрагиваю. — Сейчас этот бред придумала и раньше? Вряд ли ты думала, что сможешь скрывать от меня ребенка вечно. Наверное, искала пути к отступлению, — хмыкает. — Лена, как ты могла не сказать, что у меня есть сын? — скрип ножек стула по паркету царапает мои и так оголенные нервы.

— Я сказала! — голос срывается от крика, разворачиваюсь на пятках, закрывая сына собой.

— Хватит врать! — шипит бывший муж, делает шаг ко мне. Выставляю руки перед собой, надеясь задержать его. Благо выходит — Леша останавливается. — Ничего лучше придумать не могла?

— Да, не вру я тебе! Не вру! — чувствую ладошки сына на пояснице, завожу руку за спину, чтобы придержать малыша. — Я как только родила ребенка, отправила тебе фотографию. Зачем мне врать? Вот, скажи зачем?

— Потому что ты затаившая обиду тварь! — выражение лица бывшего мужа ожесточается, в глазах пылает уже не тихая, а сама настоящая ярость. — Тебе было мало развода? Хотела подковырнуть побольнее? А, может, решила отомстить? Или подумала, что я недостоин знать, что у меня есть сын? — он сжимает, разжимает кулаки — явный признак, что держится из последних сил. — Скрыв от меня ребенка, ты переступила черту!

— Ты себя слышишь? — неверяще смотрю на него. — Это ты сделал мне больно! Ты разрушил наш брак! Ты не ответил на сообщение! А теперь я виновата?

Саша начинает снова хныкать за спиной, и я, не дожидаясь, пока он расплачется в полный голос, подхватываю его на руки. Леша тут же опускает взгляд на него. Глаза бывшего мужа все еще пытают гневом, но на этот раз в нем появляется просвет, который напоминает теплоту. Вот только он быстро исчезает, а лицо становится хищным.

Ничего не говоря, Леша резко разворачивается и выходит из кухни. Нехорошее предчувствие толкает меня следом за ним. Когда бывший муж сворачивает в комнату сына, спотыкаюсь. Если бы не Саша, точно бы полетела носом вниз. А так не только удерживаюсь, но мигом преодолеваю оставшееся расстояние.

Забегаю в комнату. Сразу же замечаю, как Леша открывает дверцы детского шкафа и начинает шарить по полкам.

— Что ты ищешь? — через ком, застрявший в горле едва удается сделать вдох, не говоря уже о том, чтобы выдавить слова.

— Сумку, — он не отрывается от своего занятия. — Нужно хотя бы вещи сына собрать. Хотя знаешь… — останавливается, переводит полный презрения взгляд на меня. — Я куплю ему все, что нужно! — в два шага преодолевает расстояние до нас, протягивает руки. — Отдай мне сына!

— З-зачем? — отступаю в коридор.

— Мой сын должен жить со мной, — отчеканивает каждое слово, наступая на меня. — Я его забираю!

Глава 16

Не думаю. Разворачиваюсь. Бегу в свою комнату. В голове звенит только одна мысль: «Нужно защитить сына! Скрыться!».

— Лена стой! — раздается за спиной вместе с тяжелыми шагами.

Ускоряюсь. Крепче прижимаю сына к груди, забегаю в комнату. Уже хочу захлопнуть дверь, как…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.